

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН

ШЕСТЫЕ БЕРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ
2011

ББК 20.1
УДК 504:574

Печатается по решению ученого совета Свердловского областного краеведческого музея.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

к.и.н. Викторова В.Д. (ИИиА УрО РАН) — отв. редактор;
Бузунова С.Г. (СОКМ);
Панина С.Н. (СОКМ) — отв. за выпуск;
Федорова Т.А. (СОКМ).

ISBN 978-5-91357-023-9

Шестые Берсовские чтения: Сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции / Министерство культуры и туризма Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей, Институт истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2011. — 264 с.

В сборнике, посвященном памяти Е.М. и А.А. Берс, представлены статьи ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Ижевска, Казани, Воткинска, Челябинска, Миасса, Орска, Кургана, Алма-Аты, Павлодара, Караганды, Омска, Новосибирска, Тюмени, Сургута, Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Халла (Великобритания), Парижа (Франция), посвященные истории археологии, новым исследованиям и открытиям на Урале, проблемам реконструкций и использования естественнонаучных методов в археологических исследованиях, опыту создания археологических каталогов.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов в области археологии, культурологии, истории, музееведения.

ББК 20.1
УДК 504:574

ISBN 978-5-91357-023-9

© Свердловский областной краеведческий музей, 2011
© ООО «Издательство КВАДРАТ», оригинал-макет, 2011

СОТРУДНИЧЕСТВО УРАЛЬСКИХ АРХЕОЛОГОВ С МОСКОВСКИМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ)

Московское археологическое общество (МАО) играло важную роль в развитии археологической науки как в стране целом, так и в отдельных регионах. Возникшее в 1864 г., оно вскоре стало одной из наиболее демократичных и влиятельных организаций. МАО финансировало работу ряда провинциальных обществ и отдельных лиц во многих губерниях России, а также сыграло заметную роль в формировании местных исследовательских кадров благодаря организации археологических съездов.

Не были не замечены столичным Обществом и уральские археологи. Во второй половине XIX – начале XX в. изучением древностей в регионе занимались несколько крупных научных обществ и организаций, вокруг которых концентрировались местные исследовательские кадры. Среди них Уральское общество любителей естествознания, Казанский императорский университет и Общество археологии, истории и этнографии при нем, Пермская и Вятская ученые архивные комиссии, а также ряд музеев в губернских и уездных городах.

Современными исследователями высоко оценивается сотрудничество уральских археологов с МАО для развития провинциальной науки. Такие выводы В.А. Бердинских (Бердинских. 2007. С. 66), Т.И. Оконниковой (Оконникова. 2002. С. 43–46) основаны на анализе биографий отдельных личностей и результатов археологических съездов МАО, главным образом IV, проходившего в Казани в 1877 г. Однако для этих целей пока в полной мере не использован весьма значительный источник – переписка. Отложившиеся как в фондах МАО центральных архивов страны, так и в региональных архивах многочисленные эпистолярные комплексы и единичные письма также позволяют судить о значении подобных контактов.

Данное сообщение построено на материалах, собранных автором в Центральном историческом архиве г. Москвы, Российском государственном архиве древних актов, Государственных архивах Пермского края, Кировской и Свердловской областей. В ходе формального анализа переписки был выделен круг лиц и организаций, заинтересованных в совместной деятельности. Анализ содержания корреспонденции позволил описать основную тематику и характер общения, результаты взаимодействия, на которые рассчитывали столичные и провинциальные коллеги, проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться.

В переписке с МАО состояли и научные общества, и отдельные любители-краеведы. Первые в основном поддерживали обмен печатными изданиями (ГАПК. Л.1–3; ЦИАМа. Л.22), за счет чего провинциальная наука получала доступ к материалам актуальных исследований, методов работы, а местные древности включались в библиотеку всероссийских знаний. На этом же уровне обсуждались глобальные цели по широкому привлечению внимания к изучению прошлого региона. Местная интеллигенция хорошо осознавала большое прогрессивное значение проводимых МАО Археологических съездов (АС) для развития археологии в крае. Подтверждение этому содержится в одном из писем, где доказывается необходимость выбора г. Перми в качестве места проведения очередного АС: «Пермская Ученая Архивная Комиссия считает крайне желательным устройство одного из ближайших съездов в Перми. К этому приводит ряд соображений, как по существу вопроса, так и побочные. Археологические съезды устраивались до сих пор преимущественно в южной России; лишь отчасти был затронут северо-запад ее (Ярославль и Новгород). Чрезвычайно нужно для дела было бы устроить съезд на северо-востоке России. Пермский край, столь интересный и значительный в археологическом отношении, был бы особенно подходящим для устройства съезда. Кроме того, поскольку можно заглядывать в будущее, Пермь в течение ближайших лет, скорее, чем напр. Псков, предполагаемый для XVI съезда, может стоять в стороне от всяких военных или дипломатических ослож-

нений. XVI-й Археологический Съезд именно по военным обстоятельствам не мог состояться во Пскове. Теперь, конечно, положение Пскова еще безнадежней для устройства всероссийских съездов. С учреждением в Перми университета сама Пермь становится значительным культурным центром, и с этой точки зрения было бы также важно устройство съезда именно в Перми» (ЦИАМб Л. 9–10).

Переписка отдельных провинциальных деятелей с МАО тоже не была редкостью. Установление подобных контактов шло различными путями: иногда столичное Общество связывалось с авторами заинтересовавших его исследований, иногда сами провинциальные деятели обращались с приветствиями и просьбами к московским коллегам.

В первом случае цели и задачи коммуникации понятны, они соответствовали программе МАО. Для их реализации Общество систематически следило за успехами провинциальных археологов, оказывало поддержку наиболее перспективным исследователям. Так, А.А. Спицыну и Н.Г. Первухину не раз выделялись денежные субсидии на раскопки, оказывалось содействие в получении билетов для бесплатного проезда во время археологических изысканий, высылались книги, предлагались научные консультации и т.д. (Оконникова. 2002. С. 45). В архиве Кировской области сохранилось письмо вятскому родиноведу А.С. Лебедеву от 12.01.1916 г., в котором графиня П.С. Уварова восторженно приветствует организаторскую работу Александра Сергеевича: «Ознакомившись из Вашего доклада с Вятскими образовательными предприятиями со всем тем, что делается вокруг Вас для образования местного народонаселения и распространения среди него здравых понятий по природоведению, истории и археологии края, Императорское Московское Археологическое Общество не может не приветствовать благих начинаний Вятских Обществ, тем более, что начинания эти как бы вытекают из стремлений, постоянно высказываемых покойным основателем Общества, Графом Алексеем Сергеевичем Уваровым, о необходимости вызывать к жизни новые силы, новые труды, отвечать на возникавшие запросы касательно старины русской и откликаться на различные требования и нужды, вызываемые заботами о сохранении и изучении древних памятников» (ГАКО. Л. 89). В этом послании читается глубокая личная благодарность и поддержка местных начинаний, основанная на любви и преданности П.С. Уваровой своему мужу и делу его жизни. Неудивительно, что далее она от имени Общества выражает готовность помочь «своими изданиями, указаниями и 50-ти летней опытностью» (ГАКО. Л. 89).

Подобное отношение к деятельности провинциальных коллег подкупало. Н.А. Спасский от лица Вятской ученой архивной комиссии благодарит графиню «за пожертвование книг,.. за Ваше лестное внимание к деятельности Комиссии и за Вашу любезную готовность прийти ей на помощь в случае затруднений». А также отмечает, что все «благожелательные предложения» по поводу деятельности местных обществ будут учтены, и Архивная Комиссия «с живейшей признательностью последует Вашим великодушными советам и указаниям» (ЦИАМа. Л. 22).

В случае, когда контакт инициировался со стороны местных исследователей, цели его не всегда были столь очевидны. Взять, к примеру, письмо Н.А. Рыжникова — уральского археолога-любителя, помощника хранителя музея Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В 1907 г. он писал в МАО, что «в последнее время на Урале, а особенно в Екатеринбурге среди археологов упорно циркулирует слух, что Императорское Московское Археологическое Общество желает приобрести коллекции первобытных древностей Урала, и, что будто бы Археологическое Общество уже обращалось к Уральскому Обществу Любителей Естествознания в Екатеринбурге с запросом: не может ли Уральское Общество продать И.М.А.Об. часть своих коллекций первобытных древностей» (РГАДА. Л. 16–17). Таким образом, по словам самого автора, доверяющего данному слуху, целью его обращения было желание «принести посильную пользу И.М.А.Об.» в разрешении интересующего вопроса. Для этого он подробно описывает проблему, с которой неминуемо столкнутся бы столичные археологи. Во-первых, «в Музее Ур.Об.Л.Е. есть в запасе большая (до 1350 разновидностей) коллекция фрагментов глиняных сосудов, со стоянок доисторического человека на Исетском озере, и по несколько десятков таких же фрагментов с 4–5 других стоянок, которые Ур. Об. только и может уступить И.Ар.Об. без ущерба для своего Музея, — пишет он. — Орудий же и дру-

гих предметов быта в наличии Ур. Об. очень немного, исключая костяных, почему Ур. Об. может уступить 20-30 (да и то не полных) наконечников из кости, с остальных же орудий может дать только слепки, приобретение которых по их дороговизне и непрактичности вряд ли желательно» (РГАДА. Л. 16–17). Во-вторых, если МАО рассчитывает приобрести коллекции уральских археологов любителей и «археологов торгашей», то необходимо помнить, что те «состоят из случайных находок, сомнительного происхождения». Следовательно, малоинформативны для исследования древнейшей истории населения Урала. Исключение составляют 5 коллекций, собранных двумя археологами, но «эти лица вряд ли согласятся на продажу своих коллекций в необработанном и неизданном виде» (РГАДА. Л. 16–17). Это опять же влечет за собой большие финансовые затраты. А богатые коллекции автора письма, состоявшие из 11 золотых, 23 серебрянных, 76 бронзовых и медных предметов, 8 восточных монет VIII-X века и 17 сосудов и дающие «ясное понятие о погребальном ритуале аборигенов Урала в XI-XIII века, а также богатейшее собрание коробейника П. Данилова ... в минуту жизни трудную пришлось продать за границу» (РГАДА. Л. 16–17). Таким образом, в наличии нет материалов, позволивших бы МАО расширить свои коллекции по данному региону.

Желая помочь Обществу и хорошо зная специфику местной археологии, Н.А. Рыжников предлагает 3 варианта решения: 1. «немедленно командировать на Урал специальное лицо для производства раскопок и скупки случайных находок»; 2. «поручить это дело кому-либо из местных Уральских археологов любителей, знатоков первобытной археологии Края»; 3. поручить раскопки «кому-либо из местных бедняков любителей археологии, специально занимающихся раскопками (для других), глубоким знатокам своего дела и литературы» (РГАДА. Л. 16–17).

По мнению автора, последний вариант отличается относительной дешевизной и высоким качеством работы, поэтому в данном случае является для Общества оптимальным. Он относил себя к числу подобных любителей, поэтому красноречиво описал то, с какой ответственностью они подходят к исследованиям. Н.А. Рыжников подробно разъяснял, что в своей работе эти люди основываются на теоретических сведениях, почерпнутых из специальной литературы, поэтому используют современную методику ведения исследований: «соблюдают послойность», «где нужно просеивают и даже промывают землю», «ведут дневник своих наблюдений, составляют план местности и раскопок». Более того, «дают отчет о своих работах», причем «не могут утерпеть, чтоб... не поделиться выводами своих общих наблюдений, иногда очень ценных, но легко ускользающих от специалиста-археолога опытно ведущего работы». Также они «по возможности классифицируют находки», что было бы невозможно без особых знаний, вычитанных или накопленных эмпирическим путем. Посодействовать же в нахождении подобных людей, по его словам, могут члены УОЛЕ О.Е. Клер или Н.К. Минко, «которые находятся в курсе этого дела» (РГАДА. Л. 16–17).

В конце письма Н.А. Рыжников добавляет, что «в случае крайности, и я могу производить раскопки, хотя я уверенно не могу сказать этого, ибо в ближайшем времени предполагаю уехать из Екатеринбурга; но на всякий случай прилагаю свой адрес» (РГАДА. Л. 16–17). Так что «посильная польза» МАО могла быть воспринята и как получение информации о ситуации в конкретном регионе, и как предложение своих услуг в качестве исполнителя необходимой работы.

Покровительство МАО и научное сотрудничество с ним было важно для поддержания материального благополучия и статуса в «профессиональной» деятельности, поскольку на службе в музее УОЛЕ Н.А. Рыжников зарекомендовал себя неоднозначно. В одном из писем О.Е. Клера ему дается нелестная оценка — «оказался способным не только на занятия раскопками, но и на разные пакости, почему пришлось отказаться от его услуг» (ГАСО. Л. 145–146). А работать на иностранцев, и так увозящих «9/10 собираемых на Урале древностей» за границу, было ему не по душе (РГАДА. Л. 16–17).

Из подобных обращений в МАО в дальнейшем могли вырастать крепкие деловые отношения. Местные археологи приобретали статус региональных членов-корреспондентов МАО, выполнявших задания общества. Связи их с Москвой носили периодический характер и заключались, главным образом, в обсуждении заданий МАО по археологическому исследованию региона, а также в пересылке им изданий общества.

Примером коммуникаций МАО и его уральских членов-корреспондентов могут служить письма Р.Г. Игнатьева — археолога, исследователя истории башкир, Н.Г. Первухина — инспектора народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии, О.Е. Клера — екатеринбургского учителя, ученого, одного из основателей УОЛЕ.

В 1885 г. Р.Г. Игнатьев выполнял поручение МАО по составлению легенды для археологической карты России по доисторической археологии. В письме от 8 марта он высказал желание заняться «летописанием доисторических памятников древности Вятской губернии» и просил общество организовать поддержку ему местных властей (ЦИАМв Л.1). На это 21 марта ему было выслано 3 документа: свидетельство, в котором сообщалось, что МАО «препоручили своему члену корреспонденту Руфу Гавриловичу Игнатьеву произвести обследование и описание доисторических памятников Вятской губернии». Его дополняла копия отношения вятскому губернатору с просьбой об оказании исследователю «содействия к исполнению возложенных на него Обществом поручений» со стороны местных властей (ЦИАМв Л.2). И, наконец, письмо с разъяснением действий МАО в поддержку начинаний члена-корреспондента и перечислением вышеуказанных бумаг (ЦИАМв. Л. 3).

Таким образом, связь с МАО способствовала облегчению организационных трудностей провинциальных деятелей, связанных с урегулированием возникающих вопросов с административной властью.

В 1885–1889 гг. также на средства столичного Общества Н.Г. Первухин собирал материалы и составлял подробную археологическую карту Глазовского уезда Вятской губернии. В ходе его обследования было описано 64 городища, 84 неукрепленных поселения, 157 могильников, также проведены раскопки и собраны значительные коллекции (Мельникова. 2007. С. 74–75). В письме от 24 февраля 1889 г. он информирует МАО о ходе подготовки текста своей работы: первая часть уже полностью переписана и направлена в Общество, все следующие части «будут высылаемы мною по мере их выхода из переписки без всякого замедления», — писал он и просил «снисходительно повременить», не требовать скорейшей отправки рукописи (ЦИАМг. Л. 3). Со своей стороны МАО обеспечивало публикацию труда исследователя, о чем свидетельствует организационная переписка 1896 г. В ней сообщалось, что некий литограф Мац может напечатать карту Глазовского уезда в 600 экземпляров за 280 рублей, срок изготовления определялся 4 месяцами из-за определенных технических трудностей (ЦИАМд. Л. 3).

В 1888–1889 гг. над составлением еще одной части археологической карты России (восточной половины Пермской губернии) трудился О.Е. Клер. МАО, как другим, обещало предоставить ему все необходимые литературные материалы и обеспечить прочую поддержку (ГАСОб. Л. 170–172). Судя по записям в Алфавите к письмам, получаемым О.Е. Клером, их контакты поддерживались периодически, за год уральский исследователь получил не менее 4 писем от Общества (ГАСОв. Л. 30, 42). К сожалению, в итоге дело затруднилось из-за нелепого случая. Для выполнения задания О.Е. Клер просил графиню П.С. Уварову найти ему рукописный отчет М.В. Малахова, хранящийся в Географическом Обществе. «Она спросила его оттуда, — жаловался он в письме председателю одного из отделений этого общества И.В. Мушкетову, — но, вместо того, чтобы прислать мне, она передала его «на несколько дней» проф. Анучину, у кого она (рукопись) и застряла» (ГАСОб. Л. 170–172). Таким образом, сотрудничество не всегда проходило гладко, иногда в результате некоторой несогласованности действий возникали обиды.

Несмотря на это, контакты не прерывались и даже сохраняли дружественно-деловой стиль общения. Продолжалась пересылка печатных изданий. В письме от 15 марта 1897 г. О.Е. Клер благодарит графиню Уварову за присланные экземпляры «Материалов по археологии восточных губерний России» и «за ранее присланные 50 оттисков нашей статьи» (ГАСОб. Л. 208–209). В дополнение сообщает, что сотрудник УОЛЕ К.И. Фаддеев сейчас «оканчивает приготовление к докторскому экзамену по геологии и минералогии», а также что «со времени составления нашей коллекции и статьи собрано (1889–1897 гг.) немало новых материалов в той же местности, но новых узоров очень мало», интересуется наличием «клише изображенной части Палкинской коллекции» с целью «заказать по ним некоторое число экземпляров» (ГАСОб. Л. 208–209). Подобные расширенные сообщения, включающие биографические под-

робности и сведения, отклоняющиеся от основного содержания диалога, свидетельствуют о том, что общение коллег вышло за рамки чисто формального на более личностный уровень.

Таким образом, переписка уральских членов-корреспондентов с МАО на первый взгляд представляла собой формальное общение, построенное на решении организационных вопросов выполнения заданий Общества, кратких докладах о достигнутых результатах. Содержательно оно не предполагало эмоциональной составляющей, но практически часто было глубоко индивидуальным. Судя по передаваемой информации, подобные контакты можно скорее отнести к категории патронатных, чем вписать в рамки сугубо деловых отношений начальник–подчиненный.

В целом научные контакты уральских археологов и МАО были длительными (1885–1918 гг.) и обоюдовыгодными. Провинциальные деятели выполняли поручения столичного Общества, целью которого было получение целостного глубокого понимания исторического и доисторического прошлого страны. Причем тематика исследований не всегда инициировалась сверху, а часто поддерживались местные разработки. Из мозаики трудов, отправляемых региональными учеными в Москву, складывалось полное представление об археологических богатствах России. МАО же обеспечивало финансовую, административную и даже эмоционально-психологическую поддержку, снабжало литературой и предоставляло необходимые научные консультации. Это сотрудничество решало многие трудности археологии в провинции, позволяло исследователям не отвлекаться на организационные вопросы, а заниматься интересующей их научной проблематикой.

Литература:

- Бердинских В.А.* 2007. Вятские историки. Ремесло историка в России. – Киров, 2007.
- Мельникова О.М.* 2007. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). — Ижевск, 2007.
- Оконникова Т.И.* 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). — Ижевск, 2002.
- ГАКО. — Ф. 645. — Оп. 1. — Ед. хр. 14.
- ГАПК. — Ф. 297. — Оп. 4. — Д. 30.
- ГАСОа. — Ф. 140. — Оп. 1. — Д. 2.
- ГАСОб. — Ф. 140. — Оп. 1. — Д. 3.
- ГАСОв. — Ф. 140. — Оп. 1. — Ед. хр. 42.
- РГАДА. — Ф. 1628. — Оп. 1. — Ед. хр. 83.
- ЦИАМа. — Ф. 454. — Оп. 2. — Ед. хр. 82.
- ЦИАМб. — Ф. 454. — Оп. 2. — Ед. хр. 113.
- ЦИАМв. — Ф. 454. — Оп. 2. — Ед. хр. 167.
- ЦИАМг. — Ф. 454. — Оп. 2. — Ед. хр. 484.
- ЦИАМд. — Ф. 454. — Оп. 2. — Ед. хр. 527.